

Слово в синхронии и диахронии: Сб. науч. ст. – Мн.: БГПУ им. М. Танка, 1999. – С. 63-68.

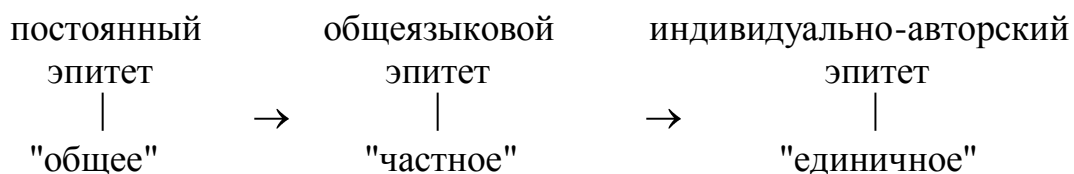
Н. В. Жданович

ТИПОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ ЭПИТЕТОВ
(на материале поэтических текстов первой половины XIX века)

Художественное познание и языковые средства его выражения всегда привлекали внимание исследователей. В этой связи несомненный интерес представляют определения-эпитеты, которые играют важную роль в создании образно-поэтической картины мира и смысловой организации текста.

Определение функционирует в различных коммуникативных сферах и представляет собой результат познавательной деятельности человека, благодаря которой реалия получает свою характеристику и оценку, отражая при этом аксиологические приоритеты личности. В системе эстетической коммуникации, которая предполагает несколько иной эмоционально-психологический контакт между коммуникантами, в наибольшей степени индивидуализированными, определение приобретает еще большую значимость: наличие в концепте признака различных эмоционально-оценочных коннотаций позволяет определению, выступающему в роли эпитета, выражать субъективное отношение к предметам и явлениям окружающей действительности. Однако способность эпитета выполнять субъективно-характеризующую функцию не была для него первичной, а явилась результатом его эволюции, подвластной общей тенденции индивидуализации искусства.

Традиционная классификация эпитетов по способу связи определения с дистрибутом не только отражает эту эволюцию, но и фиксирует степень проявления индивидуального, личностного начала в осмыслении ситуации, поскольку понятия "постоянный" эпитет, "общеязыковой" и "индивидуально-авторский" коррелируют с категориями "общее", "частное", "единичное":

Постоянный эпитет выражает признак (свойство, качество), представляющий собой адъективизированную сему существительного, которое он определяет и мыслится как типичный, идеальный его атрибут (день *ясный*, море *синее*, лес *темный* и т. п.). Эпитет, в сущности, дублирует качество, которое коннотирует существительное, преследуя, по мнению исследователей, две прагматические цели: "освежение словесного образа" определяемого слова (А. А. Потебня) и как "уточняющий термин" (Б. А. Ларин) (6, 252), выполняя при этом усилительную функцию. Клишированные сочетания с постоянными эпитетами отражают прототипические ситуации, в которых образ реальности выступает как лучший образец, с помощью которого человек воспринимает действительность. Переопределение набора характерных признаков, свойств, качеств реальности изменяет прототипы, а потребность идентифицировать предметы, подчеркнуть их особенности расширяет круг эпитетов и активизирует общеязыковые определения: из набора коннотируемых существительным признаков актуализируется тот, который необходим в данной ситуации и который известен в данном узусе ("общее" → "частное"). За определением закрепляется характеризующая, идентифицирующая функция. Наконец, стремление показать мир неожиданно, со стороны познающего субъекта приводит к появлению индивидуально-авторских, "редких" эпитетов, которые открывают невидимые ранее свойства реалий, показывают предмет в новом ракурсе, выполняя при этом субъективно-характеризующую функцию ("частное" → "единичное"). В рамках типового значения эпитетного сочетания "предмет – признак предмета" можно, таким образом, выделить разновидности, коррелирующие с соответствующими типами эпитетов:

- "предмет – идеальный признак предмета" -- (постоянный эпитет);
 "предмет – характерный признак предмета" -- (общеязыковой эпитет);
 "предмет – субъективный признак предмета" -- (редкий эпитет).

Общеязыковые эпитеты отражают объективные, устойчивые признаки, в то время как индивидуально-авторские определения фиксируют информацию, которая носит субъективный, интерпретирующий характер: "в своем абсолютном большинстве все новые и новые эпитеты углубляют художественное освоение реалий <...> и лишь выявляют в них новые (часто отдаленные) связи" (2, 162).

Художественный текст как продукт речемыслительной деятельности человека является иллюстрацией взаимодействия общего, отдельного и единичного (4, 74), обнаруживая между тем непрерывное стремление языковой личности к уникальности и индивидуальности. Это стремление проявляется, в частности, в поиске новых, оригинальных определений.

Объектом нашего исследования оказались индивидуально-авторские эпитеты, функционирующие в поэтических произведениях В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова и полученные путем сплошной выборки и дальнейшей семантико-стилистической дифференциации. Картотека составляет около 200 единиц, не включая так называемые "перенесенные" эпитеты, возникшие в результате синтаксической трансформации и представляющие собой фигуру речи, сущность которой состоит в сочетании эпитета не с тем словом, с которым оно соотносится по смыслу (4, 147): *Теперь ты случая рукою // В обитель брата приведен, // С ним вспомнишь призраки **златые** // Невозвратимых тех времен...* (Жуковский, К Воейкову); *Расцветающая ль младость, // Речи ль полные душой, // Взора ль **пламенная** сладость // Овладели так тобой?* (Жуковский, Новая любовь – новая жизнь) (ср.: *златые* времена; *пламенный* взор).

"Редкие" эпитеты, являясь продуктом индивидуально-авторского мышления, выражением внутреннего состояния и позиции авторского "я",

реализуют творческое начало речи. Однако несмотря на высокую степень индивидуального, "редкие" определения обнаруживают некоторые закономерности структурно-семантической организации. В связи с этим индивидуально-авторские эпитеты можно, на наш взгляд, разделить на три вида:

- 1 – потенциальные эпитеты;
- 2 – оксюморонные эпитеты;
- 3 – окказиональные эпитеты.

Потенциальные эпитеты представляют наиболее многочисленную группу определений (~ 81 % от всех индивидуально-авторских). В большинстве случаев это те же общеязыковые определения, однако реализующие неожиданные, нетривиальные семантические и синтагматические связи: *Как бы сокрытая под юных дров корой // С сей очарованной мешаясь тишиною, // Душа незримая подымлет голос свой // С моей беседовать душою* (Жуковский, Славянка); *Нам очарованное счастье // Мелькало редко иногда...// Увы!.. – не зрели мы ненастья, // Нам угрожавшего тогда* (Лермонтов, Корсар). Необычная сочетаемость (*счастье, тишина* – абстрактные понятия) и усложнение семантики (невозможность адекватной интерпретации, амбивалентность – *очарованный* 'находящийся под воздействием чар, под впечатлением чего-/кого-либо', 'таинственный' и одновременно 'производящий такое впечатление, чарующий, манящий') переводят общеязыковое определение в разряд индивидуально-авторских эпитетов. Следует отметить, что эпитет *очарованный* является характерным для идиостиля В. А. Жуковского и включается в состав так называемых идиосинкратических слов, отражающих авторскую преферабельность, когда "имея в своем распоряжении более или менее развернутую цепочку именованя [в данном случае именованя признака], автор неизменно обращается к одному из них" (4, 77). Ср.: *очарованные берега, очарованный венок, очарованная ладья, очарованные*

места, очарованный поток [ветер], очарованный челнок, очарованные холмы и др.: *Легкий, легкий ветерок, // Что так сладко, тихо веешь? // Что играешь, что светлеешь, // Очарованный поток?* (Весеннее чувство); *Гений влек ее незримый; // Видит мирные луга; // Видит Летою кропимы // Очарованны брега <...> Заблестала, полетела // К очарованным холмам, // Где журчат, как филомела // Светлы воды по цветам* (Элизиум).

Можно полагать, что образование "редких" эпитетов – это реализация потенциальных возможностей языка, поскольку даже системно-языковые атрибутивные сочетания отличаются различной степенью стандартности семантических связей определения с дистрибутом – от максимально стандартных, ориентированных на интенционал значения или сильновероятностный импликационал, до нестандартных, организованных по периферийным, потенциальным семам (3, 12). Определения с нестандартными связями, в наименьшей степени типизированные, являются переходным звеном между общеязыковыми и потенциальными эпитетами. При определенных условиях (изменении сочетаемости, наличии дополнительных актуализаторов, субъективных ассоциаций) они трансформируются в индивидуально-авторские определения. Ср.: *И вновь таврические волны // Обрадуют мой жадный взор* (Пушкин, Бахчисарайский фонтан); *Бывают тягостные ночи: // Без сна, горят и плачут очи, // На сердце – жадная тоска* (Лермонтов, Журналист, читатель и писатель) (*жадный взор, жадная тоска* – общеязыковые эпитеты) – *В долине той враждою жадной // Сражен наездник молодой* (Пушкин, Поэма о Тазите) (*жадная вражда* – индивидуально-авторское определение).

Семантические и синтагматические связи эпитета предопределяются его значением, однако размытость лексического значения, потенциальная многозначность слов обуславливают наличие в семантической структуре определения имплицитных, ассоциативных сем. Круг семантических ассоциаций шире у качественных прилагательных, поэтому они составляют

подавляющее большинство потенциальных эпитетов: *покорная тишина, пышные надежды* (Жуковский); *верные берега, жадный вал, злая храбрость, пестрая тревога, седое время, храбрый век* (Пушкин), *дикие волнения, жадные думы, нагая резкость, теплая вера* (Лермонтов). Между тем метафоризация относительных прилагательных, их "окачествование" открывают дополнительный источник обогащения системы индивидуально-авторских определений, благодаря которому появляются сочетания *льдистый ужас* (Пушкин), *адская слеза, морозные дамы, огневая жажда, свинцовая слеза* (Лермонтов): *Изгнанник помнил звук мечей, // И лдистый ужас полуночи, // И небо Франции своей* (Пушкин, Наполеон) (ср.: прямое дефинитивное значение 'покрытый льдом, обильный льдами' (*льдистые вершины*) и переносное, контекстуально обусловленное значение 'холодный, леденящий, враждебный'); *Отчаянья свинцовая слеза, // Из сердца вырвавшись насильно, может // Скатиться, но очей не освежит!* (Лермонтов, Виденье) (контекстуальное значение эпитета опирается на общеязыковое (*свинцовый* – перен. 'тяжелый'), однако расширяет свою семантику – 'тяжелый, мучительный, причиняющий боль и страдания', причем семантическая нестандартность определения интенсифицируется грамматической особенностью определяемого слова – *свинцовая слеза* (форма единственного числа, в то время как более употребительной является форма множественного – *слезы*) и наличием генитивной конструкции с атрибутивным значением – *отчаянья слеза*).

Сочетания с потенциальными эпитетами образуются по различным моделям метафорического (преимущественно антропоморфного переноса – *играющие надежды, покорная тишина, радостная гордость* (Жуковский); *верные берега, лихая вражда, нетерпеливая вражда, одинокая досада, скупое время* (Пушкин); *бесчувственная луна, жадные думы, кровожадное волнение, печальная мечта, послушная мечта, послушная тоска* (Лермонтов) и т. п.) либо метонимического переноса (например, случаи синекдохи –

обманутые очи, надменные очи (Лермонтов)), путем соотнесения отдаленных сфер, открытием в концепте новых признаков, не соответствующих стандартному восприятию. В некоторых случаях (когда определение имеет фразеологически связанное значение) образование потенциального эпитета сопровождается разрушением привычного, стереотипного выражения: *Уж за горой дремучею // Погас вечерний луч, // Едва струей гремучею // Сверкает жаркий ключ* (Лермонтов, Свидание) – ср. общеупотребительное *дремучий лес/бор* и авторское сочетание *дремучая гора*, в котором наблюдается оживление внутренней формы эпитета, его этимологизация и метафоризация – *дремучая*, значит, ‘дремлющая, находящаяся в состоянии легкого сна’.

Потенциальные эпитеты характеризуются малопредсказуемыми связями с дистрибутом. Их образование – это реализация потенциальной валентности определения и расширение его семантических возможностей, которые, в свою очередь, обуславливаются субъективным, авторским восприятием мира. У каждого поэта (да и у языковой личности вообще) может быть свой взгляд, свой угол зрения, поэтому и свой угол наклона эпитета к определяемому слову.

В качестве второй разновидности индивидуально-авторских определений можно выделить **оксюморонные** эпитеты (~ 6 % от общего количества анализируемых нами эпитетов), которые выражают антонимичный, контрастный, противоположный признак определяемого слова и благодаря эффекту неожиданности, который они приносят в текст, характеризуются повышенной эмоциональностью и экспрессивностью. Эпитеты-оксюмороны возникают вследствие логико-семантической трансформации, основанной на разрушении существующих стереотипов мышления и нарушении законов построения языковых единиц. Соединение несогласуемых с точки зрения логики слов создает противоречиво-целостную семантику авторской номинации, в которой значение определения

не уничтожается и не нивелируется семантикой определяемого слова: *золотая неволя, отрадные слезы* (Жуковский), *тяжелое умиление* (Пушкин), *мрачная надежда, скучные наслаждения, счастливая война* (Лермонтов). Отталкиваясь от прототипической ситуации, оксюморонный эпитет развивает полярное значение существительного, максимально реализуя его семантические возможности. Например, *слезы* в узусной коннотации, как правило, *безотрадные, горькие, горючие, едкие, злые, мучительные, страдальческие, печальные* и т. д. выступают маркером ситуации со знаком “-“ (беда, горе, несчастье), хотя могут приобретать и положительную коннотацию, маркировать ситуацию со знаком “+” - *радостные, сладкие, счастливые*. В авторском контексте происходит максимальное расширение семантического пространства энантиосеманта: *Без стремленья, без желанья, // В нас душа заглушена // И навек очарования // Слез **отрадных** лишена* (Жуковский, Песня).

Личностное восприятие даже самых общих понятий может осложняться дополнительным смыслом и изменять узусную оценку, что, как правило, и подчеркивается индивидуально-авторским определением: *Я неволен, очарован! // Я к неволе **золотой**, // Обессиленный прикован // Шелковинкою одной* (Жуковский, Новая любовь – новая жизнь) (*неволя* имеет отрицательную оценку в системе языка, однако лирический герой оказывается пленником любви, ему сладок этот плен и он не стремится к освобождению; неволя любви для героя – это жизнь, это лучшее время его жизни – ср. ассоциативную параллель *золотые времена*).

Художественный текст, в частности поэтический, характеризуется не только наличием неожиданных смысловых сближений и противопоставлений, но и наличием необычных слов. Поэтому среди относительно немногочисленных индивидуально-авторских эпитетов обращают на себя внимание **окказиональные** определения, или собственно новообразования (они составляют ~ 13% "редких" эпитетов). Стремление

найти свежее, емкое, не банальное определение, обладающее яркой эмоционально-экспрессивной и оценочно-характеризующей коннотацией, побуждает языковую личность к словотворчеству. Окказиональные эпитеты характеризуются необычной формальной структурой, однако дифференцировать их порой бывает затруднительно. Есть спорные случаи в том отношении, является ли эпитет собственно авторским образованием или же заимствован из других источников – литературных (например, поэтической речи современников автора) или диалектных. Так, Ф. Е. Корш относит к пушкинским неологизмам определение *приютный* ('обещающий приют'): *Вошебный край! Очей отрада! // Все живо там: холмы, леса, // Янтарь и яхонт винограда, // Долин приютная краса, // И струй и тополей прохлада* (Бахчисарайский фонтан). Однако это предположение более чем сомнительно, поскольку этот эпитет (в аналогичном значении) встречается в поэзии современников и непосредственных предшественников Пушкина, в частности, в поэзии В. Капниста: *Приютный дом мой под соломой // По мне, - ни низок, ни высок; // Для дружбы есть в нем уголок* (Обуховка).

Пути появления окказионализмов различны, но самым продуктивным способом образования эпитетов в поэзии В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова оказывается сложение: *жалобно-стелющийся глас, прелестно-быстрое виденье, прискорбно-радостное желание* (причем и первый и второй компоненты эпитета являются редкими определениями к данному дистрибуту), *спасительно-суровый собеседник [несчастье], чудесно-пышный свет* (Жуковский); *тихо-спящая волна, томно-голубые очи, вечно-праздничный повеса, бесстыдно-бледные лица, тяжело-золотой кубок* (Пушкин); *ложно-черные сомненья, ложно-радужные надежды, лазурно-яркий свод небес, лазурно-глубокие глаза, темно-бледные плечи* (Лермонтов). Подобные эпитеты имеют непосредственную связь с поэтической традицией классицизма и образуются по тем же моделям, хотя преобладание получил именно тип, объединяющий, как правило, основы прилагательных.

Наличие образной компрессии и смысловая емкость (несколько основ характеризуют реалию более полно) позволяют сложному эпитету передавать разнообразные оттенки признаков, свойств, качеств. Осложненная семантика эпитета (совмещение разнородных качеств (*ложно-черные сомнения, лазурно-глубокие глаза*), признака и эмотивной оценки (*прелестно-быстрое виденье*), наличие контраста (*прискорбно-радостное желание, темно-бледные плечи*) или причинно-следственных отношений между компонентами (*бесстыдно-бледные лица*)) способствует возникновению дополнительных ассоциаций по сходству, функции, взаимосвязанности и т.д. Это приводит к появлению смысловой и эмоциональной напряженности текста и, в конечном счете, к повышению его коммуникативной и эстетической эффективности.

Таким образом, представленная типология опирается на особенности структуры и семантики индивидуально-авторских эпитетов, учитывает их коммуникативную предназначенность. Как ни парадоксально, индивидуально-авторские определения являются той точкой, в которой пересекаются реальное и ирреальное, объективное и субъективное, общее и индивидуальное представления о мире. Благодаря наличию субъективных ассоциаций возникают разнообразные прототипические эффекты, а уже на их основе – "редкие" эпитеты. В этой связи примечательно высказывание Ю. М. Лотмана о том, что "новаторство не всегда в изобретении нового. Новаторство – значимое отношение к традиции, одновременно восстановление памяти о ней и несовпадение с нею" (5, 130).

Литература

1. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
2. Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.

3. Клименко Т. И. Виды семантических отношений в системе имен прилагательных (на материале «Русского семантического словаря» и Словаря эпитетов). Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 1995.
4. Кухаренко В. А. «Язык писателя» как аспект речевой деятельности индивида // Человек и речевая деятельность. Харьков, 1989. С. 74-78.
5. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.
6. Эпитет в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. М., 1995. С. 252-257.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ